

КОРЕЙСКИЙ ИЗЛОМ

В КРУТОМ ПИКЕ

Этот военный конфликт
показал, что советским
воздушным асам нет равных
в любой точке мира.

АЛЕКСАНДР ТАМОННИКОВ

Александр Тамоников

Корейский излом. В крутом пике

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Корейский излом. В крутом пике / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020

ISBN 978-5-04-110543-3

Начало 1950-х гг. Конфликт между Китаем и Республикой Корея перерос в настоящую войну. В боевые действия оказались втянутыми и мировые лидеры – СССР и США. Вчерашние союзники теперь сражаются друг с другом в корейском небе. Летчик-ас капитан Павел Колесников в одном из боевых вылетов был сбит и попал в плен к американцам. Западная пропаганда планирует использовать Павла, чтобы оклеветать СССР. Но советский летчик не собирается становиться разменной монетой в политической игре и уже разрабатывает свой, необычный план побега...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110543-3

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Часть вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Корейский излом. В крутом пике

«Война не может быть справедливой, потому что воевать справедливо нельзя, даже если воюешь за справедливость».

Т. Котарбинский

© Тамоников А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Р у з в е л ь т: Я бы хотел поднять еще один вопрос, господин Маршал, Иосиф Виссарионович, давайте без формальностей, мы не на meeting, ну так вот... я хочу поговорить о судьбе Корейской территории. Там после ухода японцев возник вакуум, полное отсутствие государственного управления, каких-либо демократических норм, а это может привести, вернее, наверняка приведет к непредсказуемым последствиям, и не только для корейцев. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

С т а л и н: Понимаю и готов выслушать ваши предложения по этому вопросу.

Р у з в е л ь т: Я еще в Тегеране пытался поднять эту тему, вы должны помнить – Корею нужен попечитель. И я думаю, что с этой задачей вполне могут справиться Америка, СССР и Китай.

С т а л и н: Вы имеете в виду Америку вместе с англичанами?

Р у з в е л ь т: Не думаю, что в этом есть необходимость.

С т а л и н: Но они будут сильно обижены, если их не пригласить.

Р у з в е л ь т: Думаю, что у них нет оснований претендовать на участие в попечительстве – они слишком далеко от Кореи.

С т а л и н: Если Черчилль узнает, что мы его не собираемся приглашать, то он нас обоих убьет. Может быть, все-таки пригласим англичан?

Р у з в е л ь т: Как-нибудь выживем. Впрочем, пускай вначале будут три попечителя, а потом можно будет пригласить англичан, если они поднимут большой шум.

С т а л и н: Тут вам виднее. А это попечительство не превратится в протекторат?

Р у з в е л ь т: Ни в коем случае! Попечители будут помогать корейцам управлять своей собственной страной, может быть, в течение 30–40 лет, пока корейцы сами не будут подготовлены к самоуправлению.

С т а л и н: Следовало бы установить срок попечительства...

Р у з в е л ь т: Американцы уже имели опыт с Филиппинами, где потребовалось 50 лет для того, чтобы подготовить филиппинцев для самоуправления. Для Кореи, возможно, потребуются более короткий срок, может быть 20–30 лет.

С т а л и н: Согласен. Но чем короче будет срок попечительства, тем лучше. А не придется ли нам вводить в Корею войска?

Р у з в е л ь т: Ни в коем случае! Только консультанты, специалисты по государственному строительству и прочие гаранты эффективного процесса становления Кореи как государства.

С т а л и н: Все это теоретически выглядит логично, но есть один нюанс... Как у нас говорят, два медведя в одной берлоге не уживутся.

Р у з в е л ь т: Вы хотите сказать, что нужно поделить территориально зоны влияния?

С т а л и н: Именно так. Пускай будет изначально два государства, две Кореи, Северная и Южная, а дальше посмотрим.

Р у з в е л ь т: И как вы предлагаете поделить территорию?

С т а л и н: Да очень просто, по 38-й параллели.

Разговор в кулуарах Ялтинской конференции.

Утром 6 августа 1945 года американский бомбардировщик В-29 Enola Gay, названный так по имени матери командира экипажа, полковника Пола Тиббетса, сбросил на японский город Хиросиму атомную бомбу Little Boy («Мальш») эквивалентом от 13 до 18 килотонн тротила. Три дня спустя, 9 августа 1945-го, атомная бомба Fat Man («Толстяк») эквивалентом в 21 килотонну тротила, была сброшена на город Нагасаки пилотом Чарльзом Суини, командиром

бомбардировщика В-29 Bockscar. Общее количество погибших составило от 90 до 166 тыс. человек в Хиросиме и от 60 до 80 тыс. человек – в Нагасаки.

США получили огромное преимущество в военной мощи. Ядерная бомбардировка СССР вполне вписывалась в предложенную Черчиллем операцию «Немыслимое». Корейский вопрос поблек на фоне мировых страстей. Временно. Советские дипломаты прилагали неимоверные усилия для нивелирования возникших угроз. Но в 1949 году СССР на Семипалатинском полигоне испытал свою атомную бомбу, и шансы на уничтожение противоборствующих сторон уравнились.

На 38-й параллели, разделяющей Северную и Южную Корею, установилась напряженная тишина, готовая в любой момент сорваться в громыхание пушечных залпов. Оба Корейских лидера стремились к объединению Кореи, но на своих условиях. Без войны это было сделать проблематично. Их попечители, СССР и США, формально призывали стороны к миру, но реально стремились к тому же.

Такое неустойчивое равновесие не могло продолжаться долго, и 25 июня 1950 года началась война.

Дорогой товарищ Сталин!

Если противник будет форсировать наступательные операции на Северную Корею, то мы не в состоянии будем собственными силами приостановить противника. Поэтому, дорогой Иосиф Виссарионович, мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск через 38-ю параллель нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза.

Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольных частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи нашей борьбе.

Ким Ир Сен, Председатель Кабинета министров КНДР, капитан Советской армии.

Часть первая

Нам разум дал стальные руки-крылья

«Летать самолетом было бы совершенно безопасно, если бы не было земли».

Л. Камптон

Поезда шли на Восток. Даже если они двигались с севера на юг, они все равно шли на восток, на Дальний Восток. Истребительную авиадивизию стягивали по железной дороге в Северо-Восточный Китай со всех концов страны: технику на эшелонах с литерным статусом, а личный состав на обычных поездах, которые делали остановки на станциях, как правило, с буфетом, где можно было разжиться куревом и кое-чем иным. Брали в дивизию опытных пилотов, которые могли не только уверенно летать на новых «МиГ-15», но и обучать летному делу китайских и корейских товарищей.

Офицеры находились в приподнятом настроении, наслаждаясь пусть ограниченной, но свободой, быстро перезнакомились, вели бесконечные пустопорожние разговоры, глазели на женщин во время остановок, пили водку из стаканов в тяжелых мельхиоровых подстаканниках, в общем, развлекались, как могли, в ожидании прибытия на место дислокации. Старший по вагону майор, что-то вроде военного коменданта, сквозь пальцы смотрел на мелкие нарушения, на импровизированные застолья, потому что против лома нет приема, а дорога длинная.

Менялись пейзажи, менялась погода, менялись запахи в вагонах в зависимости от изменений во флоре и фауне в окружающей среде.

– Какие странные феромоны! – сказал лейтенант по имени Валера, втягивая породистым носом воздух и откровенно морщась.

– Это не феромоны, это коровье говно, – буркнул капитан Виленин, поглядывая в окно. – Видишь, там скотный двор? А в нем коровы или свиньи, все кушать хотят и наоборот.

Летчик-истребитель, командир эскадрильи, капитан Павел Колесников хмыкнул. Ему нравился этот офицер с его прямолинейным, бесхитростным характером и грубоватым юмором. Он вспомнил, как познакомился с ним в начале маршрута.

«Виленин, Алексей», – представился капитан.

«В.И. Ленин, вождь мирового пролетариата», – прокомментировал Колесников, побуквенно расшифровав фамилию.

«Приметливый ты. Другой бы не сразу догадался. – Виленин криво усмехнулся. – Это мне в детдоме фамилию присвоили. Меня туда еще неразумным сосунком определили. Хотели еще Марленом назвать, но я настоящее имя свое знал, что родители дали, которых я не помню».

«Нет имени, которое нельзя прославить», – патетично заявил Валера.

«Особенно посмертно», – добавил Колесников.

«В этой жизни помереть нетрудно.

Сделать жизнь действительно трудней», – процитировал Маяковского Валера и шмыгнул своим аристократическим носом.

«Да ладно тебе образованность показывать! Пилоту главное – рулить и приземляться ровно столько же раз, сколько взлетел, а не философствовать. Лучше подумай, где выпивку достать, – проговорил Виленин. – И вот... – Он протянул лейтенанту носовой платок. – Высморкайся».

Вскоре достали выпивку – Валера сбегал в станционный буфет. А потом ехали и болтали под водочку.

– На курорт едем, – мечтательно выговорил лейтенант Вася Мишин, самый молодой из офицеров, и зажмурил глаза от умозрительного удовольствия. – Море, джунгли, лежишь под солнцем и млеешь.

– Ну да, ну да... – Виленин усмехнулся. – Там не джунгли, а южная тайга с тиграми и медведями. А ты думал, что теплый прибой, пляжные зонтики, китайки в тугих купальниках... Размечтался! Загонят тебя в глухомань, где до моря только самолетом долететь можно, да только приземлиться негде. Разве что катапультироваться прямо в море.

Поезд замедлил ход. Впереди показалась железнодорожная станция.

– Мишин, твоя очередь за выпивкой бежать. Там, на перроне, тетки картошкой вареной и солеными огурцами торгуют, а из-под полы самогонкой – дешевле обойдется, да и пойло у них качественное, без обмана. Скинемся, товарищи офицеры.

На стол полетели купюры. Мишин сгреб деньги и направился к выходу из купе.

– Возьми наволочку, чтоб не светиться, – крикнул ему вслед Виленин.

– И смотри там, не заблудись, – добавил Валера.

– Не заблудится, – буркнул Виленин.

– Как знать, – сказал Валера. – Вот у нас случай был... Он на пару секунд задумался. – Недалеко от нашей части, что в Подмоскovie, есть животноводческое хозяйство, да не простое, а ветеринарное. Там же располагается исследовательская лаборатория по изучению болезней животных – ящура и прочих. Был у меня там приятель, а может, и сейчас есть, Кеша, кандидат наук, рубаха-парень. Он нас спиртом снабжал – у них там полно этого добра для научных опытов. На этой почве и сдружились. Кеша числился крупным специалистом именно по коровьему ящуру.

Ну так вот... Послали его в командировку, в Казань – что-то там с коровами местными случилось. Когда он рассказал о своей поездке, мы чуть со смеху не померли. Нарочно не придумаешь. Добрался Кеша до Москвы на электричке и сел в поезд на Казанском вокзале с сумкой, полной спиртяги. Они с тещей живут, а теща суровая, мало наливает – вот он и отрывался в командировках.

Сначала Кеше не повезло – в купе к нему присоседилась женщина с ребенком и расфуфыренная старуха, капризная и вредная. Осознав, что с такими соседями толком не выпьешь, особенно со старухой, Кеша начал шнырять по вагону на предмет «с кем-нибудь поменяться местами». В одном купе он обнаружил бледную и грустную девушку в окружении трех развеселых дядек. Дядьки громко реготали и поругивались матом. Девушка с опаской поглядывала то на своих беспокойных соседей, то на бутылку водки, демонстративно выставленную на столик. Вот ей Кеша и предложил перебраться на его место, мол, там рядом милая бабушка и женщина с дитем. Девушка немедленно согласилась. Они потом с бабушкой вместе выпивали, да и женщина с дитем не отказалась, когда дите уснуло.

А Кеше компания попалась то, что надо. Сначала наладились было играть в карты, в «козла» на мелкие деньги, но когда выпили по полстакана, передумали. Завязалась нескончаемая застольная беседа, прерываемая лишь короткими тостами и кряканьем после употребления. В общем, пили, ели, говорили, два раза бегали в вагон-ресторан для пополнения запасов. Потом вагон-ресторан закрылся, а беседу хотелось продолжать, да только выпивка кончилась.

Тут как раз остановка случилась. Всего на три минуты, но Кеша вызвался сбегать, мол, успею. Одет он был в спортивный костюм и домашние тапочки, а времени на переодевание не было – так и отправился. Выскочил из вагона подбежал к торговкам, спросил самогона. Те уважили парня, даже предложили сначала попробовать, что он и сделал в размере полстакана – почему бы не выпить на дармовщину. Пойло оказалось качественным, и Кеша окончательно окосел.

А поезд уже начал набирать ход. Кеша бросился вслед и едва успел вскочить на подножку последнего вагона. На свое законное место можно было попасть только через вагон-ресторан,

а там дверь закрыта. И что делать? Он нашел свободную полку в ближайшем купе и завалился спать.

Утром его разбудил проводник, мол, вставай, приехали. Кеша выглянул в окно и увидел все ту же крытую платформу Казанского вокзала. С трудом шевеля похмельными мозгами, он сообразил, что по ошибке вскочил на обратный поезд. А проводник орет на весь вагон, подгоняет. Так и вышел кандидат наук на перрон в чем был: в несвежем спортивном костюме, домашних тапочках и с окривевшим лицом. А тут как раз милиция, мол, предъявите документы, гражданин, странно, мол, вы выглядите.

В милиции он начал рассказывать про ящур, про Казань, но милиционер его прервал, мол, какие еще ящеры в Казани, в Казани татары. Но все же выпустили его. В тех же мятых спортивных штанах и тапочках. Кеша взмолился, мол, дайте мне какую-нибудь другую одежду, а то меня опять к вам привезут. Куда ж я по Москве в домашних тапочках? Нашли ему какой-то заляпанный краской комбинезон и ботинки без шнурков. Кеша, зашнуровав ботинки найденной во дворе проволокой, попросил еще старую стремянку, якобы с возвратом, и с этой стремянкой на плече, прикидываясь маляром, как-то добрался до дома. Вот так бывает. А вдруг и Мишину дадут пошла попробовать?

– Тут перрон односторонний, – давась смехом, пояснил Виленин.

Смеялись все, на весь вагон, пока Мишин не вернулся и не вынул из наволочки бутылку с самогонном. Он поинтересовался причиной веселья, но Валера пояснил, что история длинная, и рассказал анекдот про ассенизатора на аэродроме. Все опять засмеялись.

Время катилось быстро. Приближалась китайская граница. Неожиданно в купе зашел майор, старший по вагону, и сержант с тюком, перевязанным проволокой.

– Всем переодеться в китайскую форму. Свою сдать. И чтоб в карманы ничего лишнего не совать, никаких бумажек и фотографий. Мы теперь китайские добровольцы из армии НОАК.

Когда подъезжали к последней приграничной станции, Колесников вдруг обнаружил, что у него кончается курево. Он вынул из пачки «Беломора» две папиросы, с тоской посмотрел на них и сказал, обратясь ко всей компании:

– Я за папиросами в буфет сбегая. Еще кому-нибудь надо?

Получив заказ от сослуживцев, он, выйдя из вагона, пересек платформу и вскоре оказался перед буфетным прилавком. Отоварившись, Колесников направился в сторону выхода из вокзала, но его внезапно остановил резкий окрик.

– Стоять на месте! Мужчина в китайской форме, стоять!

Павел, осознав, что обращаются к нему, остановился и обернулся. К нему подошли два молодых милиционера, судя по сощуренным глазам и плотно сжатым губам, настроенных очень агрессивно. Сержант и ефрейтор.

– Гражданин, предъявите документы.

Сержант посмотрел на Колесникова суровым милицейским взглядом, не сулящим ничего хорошего. Никаких документов у Колесникова с собой не было, да и не должно было быть – документы сдали вместе с формой.

– Я их в вагоне оставил – могу принести, – сказал он, изобразив на лице невинную улыбку.

– Сбежать хочешь? Тут двое в такой же одежке магазин ограбили, – сказал ефрейтор и стал сбоку от Павла.

«Окружили. Молодые и рьяные. До мелкой власти дорвались, и сразу же из себя королей горы строят», – подумал Колесников. Улыбка сползла с его лица, взгляд ожесточился. Между сослуживцами отношения складывались либо панибратскими, либо сугубо официальными с предельной вежливостью. Но не хамскими.

– На «вы», пожалуйста, товарищ сержант. Представители правопорядка должны обращаться к советским гражданам на «вы». Так у вас в уставе написано. А устав надо чтить.

– Ты, видать, шибко грамотный, но никак не видно, что ты советский! – взорвался сержант. – В китайском мундире ходит.

– На «вы», пожалуйста, товарищ сержант, – повторил Колесников.

Милиционер окончательно вышел из себя. Он грубо дернул Павла за рукав.

– Пройдем в отделение для выяснения личности. Мы все очень вежливо выясним.

Надо было что-то предпринимать. Поезд отходит через пять минут. «Я не вправе им что-либо объяснять: ни о назначении состава, ни о его пассажирах и о себе лично тоже. Под трибунал загремишь за разглашение секретной информации. Лишь бы не покалечить. Да простит меня Ощепков...»

Павел резко крутанул рукой, высвободившись из захвата и выведя сержанта из равновесия, потом сделал подсечку, усадив его копчиком на бетонный пол вокзала. Второй получил костяшками пальцев чуть повыше виска и мешком осел на пол. Рысью пробежав вдоль платформы, Колесников юркнул в свой вагон.

– Стой, гад! Стрелять буду!

Сержант выхватил пистолет и бросился вдогонку. За ним, едва держась на ногах, последовал его напарник. Милиционер, проследив, куда скрылся нарушитель, ступил было на подножку вагона, но уткнулся в штык карабина «СКС».

– Не положено, – сказал часовой равнодушным голосом. – Предъявите документы.

Требование предъявить документы окончательно вывело сержанта из себя.

– Он напал на милицию, мы представители власти, – закричал он, размахивая пистолетом.

– Не положено. – Часовой передернул затвор, загнав патрон в патронник.

– Позовите начальство, – проговорил слегка успокоившийся сержант, отойдя от часового на пару метров.

– Здесь начальство. – В тамбуре появился майор в советской форме, предъявил удостоверение и представился. – В чем дело, товарищи?

– Один из пассажиров напал на милицию. Он скрылся в этом вагоне. Нам нужно обыскать вагон и найти преступника, – скороговоркой выпалил милиционер.

Глаза у майора сузились.

– Это литературный состав. Любые следственные действия внутри него могут быть произведены только по разрешению Министерства Вооруженных сил. Кругом, шагом марш на службу. Часовой, закройте дверь, отъезжаем.

Милиционеры, осознав, что влезли куда-то не туда, уныло побрели в сторону вокзала. Обидно, но что поделаешь...

Никто не стал разбираться в сути произошедшего инцидента. Армия и МГБ состояли в специфических отношениях.

По прибытии на место дислокации офицеров раскидали по подразделениям. Лейтенант Мишин попал в эскадрилью Колесникова.

Капитан Советской армии Павел Колесников любил поспать после очередного боевого вылета. Пилотов в это время не беспокоили, не пытались привлечь на текущие мероприятия, чтобы обеспечить им восстановление душевных и телесных сил, и даже замполит майор Кулеба скрепя сердце не тягал их на плановые политинформации и лекции по международной обстановке. Но перед сном надо было соблюсти обязательные процедуры: передача самолета для обслуживания, переодевание, умывание, обед со своими сослуживцами с обсуждением текущих событий, и лишь потом сон.

Сойдя с лестницы-трапа, приставленного к его «МиГу», Павел увидел Хэн Суна, китайца из технического персонала, отвечающего за приборы и средства связи.

«Прямо как по заказу», – подумал Колесников и сказал:

– Там что-то высотомер барахлит, стрелка подрагивать начинает после двух километров. Займись сразу же – завтра с утра вылет.

– Слушаюсь, командир. – Улыбка китайца была безупречна.

Хэн Сун прекрасно говорил по-русски, без всякого акцента, потому что родился в СССР и учился в советской школе. Его отец, Бингвен увлекся коммунизмом и вовремя эмигрировал из Маньчжоу-Го, ибо не мог смириться с японской оккупацией, да и последующая политика Чан Кайши его тоже не привлекала. Его кумиром был Иосиф Сталин. А соратников папаши Хэна, решивших продолжить борьбу с оккупантами, постепенно переловили и казнили японцы.

Бингвен, осевший во Владивостоке, женился на местной китайке, у них родился Хэн. В Китай Хэн вернулся совершеннолетним вместе с группой советских инструкторов, направленных для обучения китайских летчиков, сначала в Мукден, а позднее на аэродром в окрестностях Шанхая. Сперва он работал переводчиком, но его влекло небо, и Хэна перевели в группу капитана Колесникова для обучения летному мастерству. Командование не возражало, посчитав такой перевод полезным.

Хэн Сун оказался способным учеником, восприимчивым и ловким, тем более Колесникову обучать его было легко – сказывалось отсутствие языкового барьера. Хэн начал летать на «Ла-7», в перспективе надеясь пересесть на «МиГ-15», реактивный истребитель, мечту всех китайских летчиков. Но случилось непредвиденное – Хэн начал задыхаться на больших высотах. Он был заядлым курильщиком и курил всякую непонятную дрянь, как считал Колесников. Это, видимо, и послужило причиной его непригодности к полетам. Хэна хотели вернуть в переводчики, но Колесников настоял, чтобы способного китайца отправили на курсы технического персонала, за что Хэн был Колесникову бесконечно благодарен и продолжал считать его если не командиром, то старшим товарищем с непререкаемым авторитетом.

Сделав соответствующую запись в контрольном журнале и передав технарям самолет для проведения предполетной подготовки, Колесников направился в офицерскую гостиницу, которая, несмотря на мягкий шанхайский климат, была построена по сибирским стандартам: с толстыми кирпичными стенами, двойными оконными рамами и печным отоплением. Китайцы, жившие в домах собственной постройки, в зимнее время под любым предлогом ходили туда погреться, спасаясь от промозглой, ветреной сырости.

Сбросив летную экипировку, Павел переоделся в полевую форму Народно-освободительной китайской армии, проще – НОАК, и вышел на улицу. Умывшись из жестяного умывальника, прибитого к толстой липе, а он любил это делать именно здесь, а не в гостиничной умывальне, Колесников направился в столовую.

Стояла тихая теплая сентябрьская погода, ничто не предвещало исключительных событий, способных резко повлиять на жизнь капитана Колесникова да и на общий ход военных событий в Корее. К войне привыкли, советские летчики участвовали в боевых действиях, не пересекая границу и маскируясь под китайцев, и даже переговоры во время полетов их заставляли вести на китайском языке, что они и пытались делать вперемешку с русским матом. И все бы ничего... но судьба изменчива, как и природа.

Зайдя в столовую, Павел подсел к своим офицерам. В последнее время его эскадрилья было поручено прикрывать разведывательный самолет, который временно был включен в ее состав. Самолет-разведчик поручили пилотировать старшему лейтенанту Иноземцеву, командиру второго звена.

– А где Иноземцев? – спросил Павел.

– А он может вообще не прийти, – язвительно заметил лейтенант Лопатников, командир первого звена. – Он у своей китайской красотки кормится. А ведь и правда красotka, смачная

женщина и готовит отменно. Сказочная принцесса династии Тан. Китайская кухня – это тебе не перловка с тушенкой.

Иноземцев имел странно асимметричное лицо, приплюснутый нос и непомерно кустистые брови, но, несмотря на нестандартную внешность, нравился сослуживцам за свой искрометный юмор, и женщинам он тоже нравился... А вот за какие такие заслуги – этого никто не мог понять. Из-за женщин он и пострадал, чуть не загубив военную карьеру.

На своем прежнем месте службы, в одной из летных частей под Воронежем, он умудрялся крутить любовь одновременно с двумя сестрами-близняшками, жившими в городке, к которому прилежала его часть – эдакий семейный подряд. А когда женщины разобрались в этой любовной эквилибристике, то сильно обиделись и вместе нажаловались замполиту. Ситуация была несурзная до смехотворности, но замполит, убежденный коммунист и истовый борец за чистоту партийных рядов, стал настаивать на исключении старшего лейтенанта Иноземцева из рядов ВКП(б), что влекло как минимум увольнение из рядов Советской армии. Вмешался командир части, который сам был не без греха, и по его рекомендации Иноземцева перевели в истребительную авиадивизию, базировавшуюся в Восточном Китае, и в силу большого опыта и высокого летного мастерства назначили командиром звена.

А пилотом он был отменным. К осени 1950 года на территории КНР было несколько советских воинских частей, которые занимались подготовкой летных кадров ВВС КНДР, НОАК и противодействовали гоминьдановской авиационной группировке, а в последнее время – и американцам. Дивизия, куда перевели Иноземцева, имела на вооружении реактивную технику.

На новом месте службы старлей тут же завел роман с поварихой китайского происхождения, но здесь начальство на подобные связи смотрело сквозь пальцы, чтобы летный состав не страдал от дефицита женского пола, лишь бы скандалов не было.

Иноземцев все-таки присоединился к коллективу, иначе последовали бы выводы, но обедать не стал – прав оказался Лопатников. А вот от чая не отказался.

За чайной церемонией офицеры обсуждали текущее военное положение по информации, почерпнутой из официальных и неофициальных источников. А обсудить было что – события нарастали. В этой войне появилась настороженная и обманчивая стабильность, как камень на вершине горы, готовый сорваться вниз по склону и увлечь за собой целую лавину. Но не со стороны корейцев – там военный маятник раскачивался, пересекая 38-ю параллель в обе стороны, от Пусана до Пхеньяна, а со стороны СССР. «Вроде бы и воюем, но рядимся под китайцев, прикрываем приграничную инфраструктуру, а на территорию противника ни-ни, не пересекать реку Ялуцзян, не залетать в Желтое море, вроде бы чтобы не попасть в плен... А как на самом деле? Тем временем в Восточный Китай прибывают все новые советские авиадивизии, стоит вопрос о создании истребительного авиационного корпуса – а это масштаб не для сегодняшних партизанских вылетов.

Об этом рассуждали офицеры, сидя за чаем.

– Все это фигня, ребята, – неожиданно включился в разговор Иноземцев. – У нас в части произошло событие, которое перекрывает любые военные конфликты. На нас напали.

– Это кто же? – встрепнулся Лопатников. – Опять твои шуточки?

– Какие уж тут шуточки! – Иноземцев тяжело вздохнул и отхлебнул чай из граненого стакана, делая актерскую паузу для сгущения психологической атмосферы. – Козы напали во главе с круторогим козлом, козлиное стадо, – продолжил старлей, соорудив на своем асимметричном лице трагическую мину. – По-тихому миновали охранение, нашли дыру в проволочном ограждении и оказались на огороде старшины Побудко, где мирно и не торопясь начали поедать его сельхозпродукцию.

Побудко отвечал за порядок на территории, с чем успешно справлялся. Даже котлован приказал откопать для сбора пищевых и прочих отходов, чтобы не создавать мусорных куч.

Котлован регулярно засыпали хлоркой и забрасывали слоем земли. Кроме того, для разнообразия столового меню он завел огород. И тут – такой прокол.

Раздался дружный хохот.

– Он хоть пару коз заарканил для столовой? – едва подавив смех, спросил Колесников.

– Не сподобился, – пояснил Иноземцев. – Вроде бы хозяйственный мужик, а тут разъярился и врезал козлу между рогов лопатой. Тот возмущенно заблеял и увел стадо.

Эта пикантная подробность вновь вызвала смех, но Иноземцев не смеялся – на его лице застыла кривая усмешка, что как-то не вязалось с его шуточками и общим настроением, не вязалось с образом вечно веселого, исполненного оптимизмом офицера. Его явно терзала какая-то смутная тревога. Колесников это почувствовал.

– Коля, что-то не так? Что стряслось? Давай, выкладывай, не держи в себе.

Иноземцев допил чай, поставил пустой стакан на стол и, сдвинув свои кустистые брови, сказал:

– Американцы сбили такой же, как у нас, самолет «А-20», на котором я летаю. Над Желтым морем подбили, недалеко от Порт-Артура. Самолет взорвался в воздухе, весь экипаж погиб. Только сейчас пришла новость от радистов.

Офицеры примолкли, возникла напряженная пауза, которую прервал лейтенант Лопатников:

– Может быть, это трагическая случайность, нелепая ошибка...

– Мы не в детские игры в песочнице играем, – прервал его Колесников. – Это явно спланированная провокация, американцы нарываюся на конфликт.

– Союзнички, мать твою так! – возмущенно воскликнул молодой и горячий лейтенант Мишин, недавно окончивший летное училище. – Просят, так получают. Против наших «МиГов» им не устоять. Вот им! – И он продемонстрировал общеизвестный жест.

Колесников резко одернул товарища:

– Не ерепенься! Шапкозакидательство недопустимо, как говорил товарищ Сталин. Перед войной мы тоже хотели малыми силами на чужой территории. Я все это прошел в отличие от тебя, поэтому не надо лозунгов и призывов. Попробуем – пойдем. «Шутинг Стар» – серьезная машина, характеристики сопоставимы с нашими, а вот их тактику ведения воздушных боев мы не знаем и еще нарвемся на неожиданности, если всерьез воевать против американцев придется. – Он перевел взгляд на невеселое лицо Иноземцева: – Да не парься ты, Коля! Прикроем, если что. Но надо держать ушки на макушке – ситуация резко поменялась. Посмотрим, что скажут наши командиры.

Старший лейтенант Карпенко отдернул занавеску и уныло посмотрел сквозь забрызганное стекло на затянутое тучами небо. Несмотря на приказ командования, разведывательный полет при такой погоде не имел смысла.

«Взлететь-то мы взлетим, а вот что увидим... – подумал он. – А этому чертову кораблю никакой дождь нипочем – прет по своему азимуту невесть куда... Это нам невесть куда лететь и на что смотреть, а он ведает, что творит. А может, это японские рыбаки пошли краба промыслять? Нет, вряд ли. Скорее всего, корабль военный, американец. Иначе бы наши не суетились. Видимо, есть какая-то дополнительная информация, о которой мы не знаем. Сказали, что вроде как эсминец. Но не факт...»

– Ну что, когда взлетаем, командир? – спросил лейтенант Ковтун, стрелок-радист.

– Когда Илья-пророк тучи разгонит. – Карпенко криво усмехнулся.

– Но ведь приказ... – не унимался Ковтун.

– В приказе было уточнение: «в благоприятных метеоусловиях», а сейчас неблагоприятные метеоусловия. Или ты над мачтами этого эсминца предполагаешь порхать глупой бабоч-

кой, чтобы тебя пьяный боцман из рогатки подстрелил? А иначе ни хрена не разглядишь в этом тумане. Даже птицы в такую погоду не летают. Понял?

– Понял, – уныло подтвердил Ковтун.

Третий член экипажа старший сержант Магонов не вмешивался в разговор, он с интересом рассматривал картинки в китайском журнале. Текст его не интересовал, китайской грамоте он не был обучен, а вот фотографии китайских девушек грели душу.

Карпенко отошел от окна и с размаху плюхнулся на кожаный диван. Экипаж двухмоторного разведывательного самолета в составе трех человек находился в комнате отдыха и осмысливал ближайшие перспективы.

В двадцати шести километрах к юго-востоку от порта Дальний был обнаружен неопознанный военный корабль, следовавший курсом 260 градусов. Карпенко было поручено проинформировать разведку данного района, точно опознать корабль и вернуться на базу. При этом было указано: ближе чем на десять километров к предполагаемому эсминцу не подходить и наблюдать с больших высот, чтобы не нарваться на неприятности в виде зенитных залпов.

Им придавались два истребителя для тренировки молодых пилотов по прикрытию бомбардировщика. «В случае боевой заварухи толку-то от них... Но, пускай потренируются, надо же когда-то тренироваться», – подумал Карпенко.

Экипаж был готов к немедленному вылету, но природа вносила свои коррективы. На удивление, через пару часов небо очистилось, тучи уползли на север и метеоусловия для полета создались благоприятные.

Вскоре экипаж уже был на взлетной полосе возле своего самолета.

– Запуск и прогрев двигателя произведен, давление в гидросистемах проверено, баки заправлены, автоматика в норме, включение и отключение генератора...

– Недостатки имеются? – перебил Карпенко командира технической группы.

– Никак нет, – отчеканил тот.

– Ну, тогда поехали.

Он первым ступил на лестницу-трап.

Неизвестный корабль они обнаружили примерно через полчаса полета.

– Это эскадренный миноносец США Herbert J. Thomas, – доложил Магонов, разглядывая корабль в оптику.

– Отчаливаем на базу? – спросил Ковтун. – Корабль опознан, задание выполнено.

– Покрутимся еще немного, пускай молодые потренируются, – ответил Карпенко и покоился на летящий в нескольких десятках метров от него истребитель.

Но покрутиться и потренироваться не получилось.

– Командир, выше нас группа американских самолетов, – внезапно прозвучал доклад Ковтуна. – Вижу шесть. Это «Корсары». Наши действия?

– Следуем своим курсом, – ответил Карпенко уверенным голосом. – Они тоже интересуются, кто мы такие. Сопроводят и отстанут. Мы же с ними не воюем.

На самом деле он не был уверен в справедливости своих предположений. В его мозгу зазвенела тревожная струна – ему еще не доводилось вот так, вплотную, сталкиваться с американскими истребителями, обе стороны старались понапрасну не провоцировать друг друга. А тут в действиях американцев чувствовалась какая-то показушная наглость.

– Командир, они приближаются, – прозвучал очередной доклад.

– Уходите на базу, – слегка замаявшись, скомандовал Карпенко пилотам сопровождавших его истребителей. Дело запахло авиационным керосином. В случае боевого столкновения толку от молодых экипажей никакого – только погибнут зазря.

Время капало секундами, напряжение нарастало. И тут старший лейтенант Карпенко совершил роковую ошибку – нервы не выдержали.

– Дай заградительную очередь, – скомандовал он дрогнувшим от напряжения голосом. – Только аккуратно. Не попади ни в кого.

– Есть, – отозвался Ковтун.

Застрекотали пулеметы.

Карпенко думал, что американцы поймут его жест как предупреждение, а не как начало боевых действий. Но они рассудили иначе.

– Да подожди ты, подожди! Я не всерьез, – кричал Ковтун, давя на гашетку и глядя на приближающийся «Корсар».

Но больше он ничего не успел сказать: прозвучала ответная очередь, прошила кабину, и Ковтун, получив несколько пуль в голову, уткнулся в турель. Он быстро умер, не досмотрев трагический спектакль до конца.

– Серега! – закричал Карпенко. – Ты как, Серега?

Нет ответа.

Самолет стал заваливаться на левое крыло, пахло вонючим дымом. Магонов тоже не отзывался, а вскоре и сам старший лейтенант не смог отдавать приказы. Он начал разворачивать машину, ушел вниз, пытаясь перейти на бреющий полет, но крупнокалиберные пули настигли и его. Советский разведывательный самолет, таща за собой дымный шлейф, рухнул в волны Желтого моря.

Стали бы атаковать советский самолет американские истребители, если бы тот первым не начал стрельбу? Не факт. Но смущает одно обстоятельство. Шесть юрких «Корсаров» против одного неповоротливого разведчика... При таком подавляющем превосходстве в воздухе ни один вменяемый пилот не начнет боевые действия, а постарается уйти от греха подальше. Могли бы сообразить, что это лишь предупреждение. Но и Карпенко мог заранее просчитать последствия своей непродуманной стрельбы. Ему просто ответили. Может, он невменяемый, этот русский, может, на самом деле с катушек слетел. Кто тут разберет? «Туман войны», – как говорил Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц.

Американцы прокомментировали произошедший инцидент следующим образом:

«Совершая патрулирование, эсминец ВМС США Herbert J. Thomas зафиксировал на радаре движение неопознанного самолета со стороны советской базы. Об этом было сообщено на авианосец Valley Forge. Двум звеньям «Корсаров», которые барражировали в этом районе, была дана команда на перехват».

Но ведь перехват не обязательно заканчивается стрельбой. «Корсары», разделившись, приступили к перехвату самолета, взяв его в кольцо. Самолет был идентифицирован как двухмоторный бомбардировщик с красными звездами на крыльях. Он неожиданно открыл стрельбу. Получив разрешение на открытие ответного огня, бомбардировщик подбили. «Все в рамках правил, мы защищались».

Приблизившись к месту падения советского самолета, американские военные моряки подняли на борт тело только одного русского летчика. Попытки делать искусственное дыхание в течение часа ни к чему не привели – летчик признаков жизни не подавал. Тело так и не было опознано, и его выбросили за борт.

Советское правительство заявило протест правительству США и возложило на американцев всю ответственность за эти преступные действия, являющиеся вопиющим нарушением общепризнанных норм международного права. Американцы не согласились, мол, вы первые начали, но извинились и выразили соболезнование семьям погибших. Это сделал генерал Дуглас Макартур, командующий войсками ООН.

Все бы так и спустило на тормозах, но произошло еще одно событие, которое переполнило чашу терпения советского руководства.

Первогодка Ивана Скворцова, деревенского парня из уральской деревушки с восемью классами образования, посчитали необучаемым еще на собеседовании в военкомате. Когда он с группой новобранцев прибыл на аэродром Сухая Речка, где базировался 821-й истребительно-авиационный полк, его начали использовать на хозяйственных работах, близко не подпуская к самолетам.

Позднее начальство все-таки решило приобщить бойца к реальной службе – не все же ему мусор убирать и картошку чистить – и отправило Скворцова на пункт визуального наблюдения, следить за окружающей обстановкой.

Однополчане считали такую службу несерьезной, мол, что там высматривать, до границы более ста километров, разве что ворон да галок считать.

Скворцов же думал иначе. Он воспринял это назначение как жест высокого доверия, и с упоительной рьяностью стал относиться к своим обязанностям, даже курил, не отрывая от глаз бинокля.

День зашел за полдень, солнце укатилось к западу и не мешало наблюдать за синеватыми вершинами сопок, откуда мог появиться неприятель. За сопками находилось озеро Ханка. Скворцов знал это озеро. Как-то в составе хозяйственного взвода он ездил туда на рыбалку с целью разнообразить солдатское меню. Командир части сам числился заядлым рыболовом и поощрял подобные вылазки. Рыбы добыли много: сазан, лещ, сиг, таймень... Даже несколько амурских осетров поймали. Осетров забрал себе полковник, а остальное ели три дня всем полком.

«Эх, еще бы разочек туда съездить, рыбку половить», – размышлял Скворцов.

Он спустился на несколько минут в ближайшие кусты, а когда вернулся и приткнулся к биноклю, то увидел над сопками две быстро приближающиеся точки.

«Наши уже все прилетели. Кто это может быть? Надо доложить».

Он снял трубку телефона:

– Со стороны озера к нам приближаются два неизвестных самолета.

– Какие еще самолеты? – раздалось в трубке, – у тебя что, короткое замыкание в мозгах?!

– Никакого замыкания. Два самолета, приближаются. По силуэтам – не наши.

Трубка на несколько секунд замолчала.

– Сейчас к тебе придут. Жди.

Буквально через пару минут на вышку пункта визуального наблюдения забрался лейтенант из зенитчиков. Он выхватил бинокль из рук застывшего как статуя Скворцова.

– Вижу два «Шутинга». Приближаются на большой скорости. Делают боевой разворот. Объявляй боевую тревогу! – крикнул лейтенант в телефонную трубку.

Завыла сирена, личный состав устремился по местам, летчики заняли пилотские кресла, запустили двигатели. Все ожидали очередной команды, но ее не последовало. Зато через несколько минут застучали пулеметные очереди. «Шутинги» отстреляли по неподвижным советским самолетам и повторили атаку, сделав второй заход.

– Давай быстро вниз, – скомандовал лейтенант Скворцову. И очень вовремя сказал. Едва они спустились и приткнулись к земле, как вышку разнесло в щепки.

Лейтенант вместе со Скворцовым переместились в ближайшие кусты и залегли в неглубокой промоине. Скворцов что-то спросил у офицера, но тот как будто его не слышал, а лишь бормотал речитативом, обращаясь неизвестно к кому:

– По стоянке, по нашим истребителям-бомбардировщикам, кстати, полученным из США по ленд-лизу, «Кингкобрам» лупят. Нелепица какая-то! Мы что, с Америкой войну начали? Что же наши молчат? Давай, уходим вон туда. За кустами от пуль не скроешься.

Он показал в сторону овражка, находящегося в паре сотен метров.

Несколько раз ухнула единственная в части зенитка и замолкла. Летчики покинули кабины своих самолетов и залегли под фюзеляжами. Два американских самолета F-80 Shooting

Star сменили объект атаки и ударили по складам 821-го полка из всего бортового оружия. Стреляли, пока не закончились боеприпасы, а потом развернулись и безнаказанно скрылись за сопками.

А что полковник, который очень любил рыбалку? А ничего! Трусом и перестраховщиком оказался этот полковник. Он запретил поднимать свои самолеты на перехват противника. В Великую Отечественную торчал где-то в резерве и не способен был принимать быстрые и ответственные решения. И этот полк он получил по чьей-то протекции, чтобы ему присвоили очередное звание, чтобы отсидеться в тишине лесов и с почетом отправиться на пенсию. Не получилось – вот какая досада!

Оправдывался он тем, что, мол, могли быть большие потери. «А можно воевать без жертв? Надо было сдать Москву, Ленинград, чтобы избежать жертв?» Об этом ему сказали в штабе дивизии. Полковника сняли с должности, но из армии не уволили, опять сработали какие-то высокие связи, – отправили в сибирское захолустье командовать ремонтной базой.

С т а л и н: Товарищ Штеменко, мне доложили по посольским каналам о моральном состоянии войск Ким Ир Сена. Моральное состояние хорошее, люди готовы героически сопротивляться агрессии, но техническое состояние северокорейских войск оставляет желать лучшего, как и планирование военных операций. Мы предупреждали товарища Кима, чтобы он не лез напролом и не заблуждался насчет временных успехов при недостатке ресурсов, неподготовленных тылах и недооценке политической обстановки. Мы вовсе не против объединения Корейского государства на наших условиях, но для этого должны быть созданы соответствующие предпосылки.

И оказались правы. Ли Сын Ман уже объявил о присоединении части территорий Северной Кореи, но мы это дело поправим, по крайней мере, восстановим статус-кво по 38-й параллели в соответствии с Ялтинскими договоренностями.

Ш т е м е н к о: Как вы видите степень участия Советского Союза и Китайской Народной Республики в корейском конфликте?

С т а л и н: Товарищ Мао не отказывает в помощи Корейской республике, но посылать свои войска не планирует, пока не планирует, мотивируя тем, что своим прямым воздействием на ход Корейской войны втянет в войну и Советский Союз. У нас существует мнение, что он излишне перестраховывается. Советский Союз не боится войны, но он против бессмысленной войны.

Ш т е м е н к о: Вы считаете участие в войне Советского Союза бессмысленным? Но американцы обнаглели, сбивают наши самолеты, обстреляли аэродром – это же явные провокации. Это нельзя бесконечно терпеть и спускать на тормозах. Нужно ответить.

С т а л и н: Кроме военной целесообразности существует и политическая целесообразность. Господин Трумэн извинился за инцидент с аэродромом и даже предлагает материальную компенсацию. Мы тоже будем извиняться, когда Генштаб что-нибудь не так спланирует, а наши летчики случайно не туда залетят и кого-то по ошибке разбомбят.

Ш т е м е н к о: Я учту в своей работе ваши идеи, товарищ Сталин.

С т а л и н: Мне доложили, что президент Трумэн не отдавал никаких подобных приказов, а это инициатива генерала Макартура, командующего войсками ООН. Макартур привык воевать превосходящими силами на Филиппинах и в Гвинее и, вероятно, думает, что так же легко справится с Советской и китайской армиями. То, что он рискнул пересечь 38-ю параллель и оккупировать часть Северной Кореи – его стратегическая ошибка. Он напоминает барана, который сломал деревянную изгородь, а, наткнувшись на каменную стену, продолжает упираться в нее рогами. Это он скоро поймет. А не поймет, так поймут более умные американцы.

Ш т е м е н к о: А какие шансы привлечь китайскую армию на помощь корейцам?

С т а л и н: Это не шансы, это стратегия. Что насчет Мао Цзэдуна, то он хорошо изучил труды Маркса и Ленина, но плохо читал книги древних китайских мыслителей вроде «Искусства войны» Сунь-цзы. Стоит ли бояться этой войны? Я думаю, что не стоит, потому что мы вместе будем сильнее, чем США и Англия. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США появится плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи.

Я думаю, что мы сумеем убедить товарища Мао ввести свои войска на территорию Северной Кореи и восстановить статус по 38-й параллели, а, может быть, и по другой параллели, слегка южнее.

Ш т е м е н к о: Планируете ли вы также использовать наши сухопутные войска?

С т а л и н: Не считаю это целесообразным. Мы слишком много потеряли людей на последней войне, а у китайцев людского ресурса намного больше, чем у нас. Пусть это некрасиво звучит, но это непреложный факт, который нужно учитывать при планировании военных действий, а не в качестве политических деклараций. Мы окажем помощь в тактическом планировании, подготовке личного состава союзников и авиационной поддержке сухопутных операций. Необходимо создать авиационный корпус на Дальнем Востоке и увеличить численность наших военных инструкторов. Этим вы и займетесь немедленно.

Ш т е м е н к о: Есть, товарищ Сталин.

Разговор И. Сталина с начальником Генерального штаба генералом Штеменко.

Генерал Макартур в беседе с президентом США Трумэном заявил: «Шансы китайцев и русских невелики. Теперь, когда у нас есть базы ВВС в Корее, попытка китайцев дойти до Пхеньяна окончится великой бойней. А если мы применим ядерное оружие, в том числе и к России, то их шансы сведутся к нулю. Мы будем защищать Корею, как защищаем свое государство, как защищаем Калифорнию».

Амбициозный Макартур, возмнивший себя великим полководцем и вершителем мировых судеб, даже не представлял, до какой степени он недооценил китайскую армию. Возле реки Ялуцзян была сосредоточена крупная группировка китайских народных добровольцев, которая форсировала реку и перешла в наступление. В первое время они были вооружены лишь устаревшим стрелковым оружием советского образца, а также трофейным японским оружием, связь поддерживалась через посыльных или с помощью световых сигналов. Но они владели неоспоримым преимуществом – тактикой ведения партизанской войны, на что южнокорейские войска и их кураторы никак не рассчитывали. Просачиваясь сквозь их позиции, китайцы атаковали как с фронта, так и с тыла, внося сумятицу в ряды противника. Добровольческую армию постепенно оснащали тяжелым вооружением, зимней экипировкой и средствами связи, а потом вступила в действие советская авиация, и, вопреки предсказаниям Макартура, южнокорейская армия побежала.

«От Советского информбюро. Работают все радиостанции Советского Союза...» – прозвучало из уличного громкоговорителя.

– Свят, свят, свят... – Вероника перекрестилась, как ее учила бабушка, и растерянно посмотрела на мужа Ивана.

Далее диктор сообщил о начале войны в Корее.

– А я думала, что опять у нас началось. – Она с облегчением выдохнула.

– Час от часу не легче, – мрачно проговорил Иван Кожедуб.

– Ну, не у нас же – Корея далеко. – Вероника вопросительно посмотрела на мужа.

– Самолеты быстро летают, – сказал Иван, задумчиво глядя на вечернее солнце, пронизывающее своими последними лучами кроны деревьев. – Надо бы в отпуск напроситься – давно не был. Поедем на юга, развеемся, а то можем и без отпуска остаться. Ты со своим начальством сможешь договориться?

– Сначала ты со своим договорись, а я уж как-нибудь. – Вероника дернула Ивана за рукав, выводя его из состояния задумчивости. – Ты думаешь, что тебя привлекут?

– Меня призывают, а не привлекают, и, вообще, я могу думать все, что угодно. – Кожедуб усмехнулся. – А начальство приказывает. Подам рапорт на отпуск, а там как судьба наметит.

Отпуск предоставили только в октябре, и Иван Никитович Кожедуб вместе с женой Викторией отправился в Кисловодск, в ведомственный санаторий. Но наслаждаться прелестями южной природы им пришлось недолго.

В один из вечеров в дверь их домика постучали. Стучали требовательно и настойчиво, видимо, имея на это право. Иван открыл. На крыльце стояли трое: один майор в форме МГБ и двое в штатских костюмах и шляпах. Майор с гримасой озабоченного василиска ткнул ему в лицо служебным удостоверением.

– Товарищ Кожедуб, собирайтесь, проедете с нами.

Иван понял, что с этими спорить бесполезно, но не торопился отвечать – может быть, подробнее объяснят причину неожиданного визита. Или ареста?

Они сцепились с майором взглядами. Майор молчал, не считая нужным что-либо добавить. Так его учили.

– Я могу одеться? – наконец выдал из себя Кожедуб.

– Конечно.

Они проследовали в дом вслед за хозяином.

Иван быстро натянул полковничий мундир, немного подумал и прицепил три звезды героя.

«Если всерьез начнут крутить, то это вряд ли поможет – тогда пускай срывают вместе с погонами, если рука поднимется».

В машине, стиснутый с двух сторон сотрудниками МГБ, он пытался понять, за что его арестовали. А что арестовали – не было никаких сомнений. Если бы по службе, то приехали бы свои, а не эти. Он судорожно перебирал в памяти возможные прегрешения перед советской властью и не находил ответа. «Анекдот, что ли, где по пьянке рассказал? Но сейчас не те времена... Или кто по злобе ложный донос сделал?»

Его соседи по машине сохраняли молчание, покачивая в такт движению каменными лицами. В мозгу Кожедуба неожиданно сложилась картинка, как будто вырезанная из длинной киноленты. Эпизод с участием командующего ВВС генерала Рычагова и Иосифа Сталина. Так ему рассказывали, так ему рисовалось...

Сталин по своей всегдашней привычке курил трубку и ходил вдоль стола. На совещании присутствовали офицеры Генерального штаба и авиаконструкторы. Обсуждались причины частых аварий советских самолетов. Высказывались по очереди, приводя различные доводы и резоны.

Сталин молча курил. Потом выбил трубку в мраморную пепельницу и спросил.

– А что по этому поводу думает товарищ Рычагов?

Встал молодежавый генерал и с мальчишеским задором заявил:

– Аварийность будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах! А гробами так же, как шапками серьезного противника не закидаешь. Нужно срочно внедрять новые модели, а не рассчитывать на количественный перевес.

Публика напряглась в ожидании реакции вождя. Заявление выглядело воистину шокирующим.

Сталин, непрерывно меряющий шагами пространство кабинета, внезапно остановился и поднял глаза на Рычагова. Ничего не дрогнуло на его лице, но волчьи глаза налились яростью.

– А товарищ Рычагов может нам предложить другие самолеты? Или предложите вообще не летать, а обойтись одной пехотой? Для будущей войны это неприемлемо.

– Они могут. – Рычагов указал на авиаконструкторов.

– Для этого мы и собрались. И не надо наводить панику.

Сталин говорил спокойно, но голос его слегка подрагивал. Он вновь прошелся вдоль стола, остановился и добавил:

– Вы не должны были так сказать! – Потом сделал крошечную паузу и повторил: – Вы не должны были так сказать. Заседание закрывается. Все свободны.

И первым покинул кабинет.

Рычагов был расстрелян без суда осенью 1941 года, хотя и оказался прав.

«И к нему вот так же приехали, ткнули в лицо удостоверением и отвезли куда надо, – подумал Кожедуб. – Вот так, за непродуманную фразу. Но тогда время было другое. А в чем другое? Может быть, и я где-нибудь что-нибудь не то ляпнул? Вроде бы нет...»

Машина остановилась, прервав его невеселые мысли. Но только не перед местным отделением МГБ, а перед Кисловодским горкомом партии. Кожедуба провели в кабинет первого секретаря. Тот стоял взъерошенный, с искаженным лицом, держа в руках телефонную трубку кремлевского телефона. Иван представился. Секретарь резко подался ему навстречу.

– Товарищ Кожедуб, Василий Иосифович на связи.

Иван присел на подвернувшийся стул и прижал трубку к уху.

– Это ты, Иван? – спросил Василий Сталин и после изощренной матерной рулады, выданной слегка заплетающимся языком, не дожидаясь ответа, продолжил: – Немедленно вылетай в Москву, есть работа. Работа стоит, а Ваня отдыхает, тело свое тешит. Вылетай немедленно!

– Есть, товарищ генерал.

Командующий ВВС Московского военного округа повесил трубку. Кожедуб снял фуражку, вытер пот со лба, потом кивком попрощался с партийным секретарем и направился к выходу из кабинета. Ему остро захотелось выпить.

«Невыполнимое желание. Какая еще выпивка! Надо заехать в санаторий, предупредить Вика, собраться», – подумал он, взявшись за ручку двери.

– Товарищ Кожедуб, – остановил его все тот же майор. – Вас приказано доставить на аэродром, машина у выхода.

– Но я должен предупредить жену.

– Напишите записку, мы передадим.

В голосе майора звучало превосходство вершителя судеб, но Ивану на это было откровенно наплевать. И на майора, и на его тон. Он пытался угадать причину неожиданного вызова на службу.

«В дивизии что-то не так, а может... к войне надо готовиться...»

Кожедуб был хорошо информирован о ходе Корейской войны, об участии в ней советской авиации. А напряжение там неуклонно нарастало и готово было выплеснуться в прямое боестолкновение с американцами.

Записку Вика получила утром. Ее текст был предельно краток: «Не волнуйся, все в порядке, срочно вызывают в Москву. Тебе все расскажут потом».

Она пыталась расспросить посыльного, мол, что с мужем, где он, но тот заладил, как заезженная патефонная пластинка:

– Не волнуйтесь, все будет нормально, его направляют в ответственную командировку.

Виктория вспомнила их прогулку, громкоговоритель на телеграфном столбе («от Советского информбюро...») и все поняла.

В это самое время Иван Кожедуб прибыл на аэродром подмосковной Кубинки. В дивизии полным ходом шла подготовка к «секретной командировке», смысл которой ни для кого уже не являлся секретом. И эта подготовка выглядела очень странно: у летчиков отобрали советские документы и выдали гражданскую одежду – мешковатые серые костюмы одного фасона.

– Прямо как в инкубаторе, – пошутил какой-то капитан.

– Или в лагерях – там тоже все одинаково одеты, – немедленно прозвучал ответ.

– Типун тебе на язык. В лагерях не летают.

Офицеров собрали в актовом зале. Представитель политуправления зачитал им секретный приказ:

– «Правительство Северной Кореи обратилось к Советскому Союзу с просьбой послать летчиков-добровольцев на реактивных самолетах для спасения народов страны, гибнущих под бомбами американских агрессоров». Кто из вас желает поехать добровольцем?

Руки подняли все. Попробовал бы кто-то не поднять! Но из ста желающих отобрали только шестьдесят. Самых опытных.

Летчикам предстояло ехать на войну, в Корею. А командиром 324-й истребительной авиадивизии был назначен трижды Герой Советского Союза полковник Иван Никитович Кожедуб.

– Ну, с «МиГами» мы им холку намнем, – сказал он генералу, представителю Василия Сталина.

– Там, товарищ полковник, воевать придется по-другому, – охладил его пыл генерал. – Используйте опыт, военную хитрость, новую технику. Самостоятельные боевые вылеты вам лично запрещены, то есть убедительно не рекомендованы – не дай бог, еще в плен попадешь в качестве сладкой булки для американской прессы. И смотри, Ваня, я тебя знаю. Это ты с виду такой выдержанный и спокойный, а ведь азартен, как картежник.

Бедный мой мальчик. Для тебя вернулись денечки сорок четвертого – сорок пятого годов. Мой ты родной, все это ужасно, да, ужасно, и меня это сводит с ума. Ты, любимый, в опасности. Пишешь, что вернешься прокопченным, пахнущим порохом и постаревшим. Но я еще больше буду любить тебя такого, прокопченного.

Любящая тебя Вероника.

Т р у м э н: Соединенные Штаты предпримут необходимые меры, включая все оружие, которое у нас есть.

К о р р е с п о н д е н т: Мистер президент, вы сказали, что «все оружие». Значит ли это, что применение атомной бомбы активно рассматривается?

Т р у м э н: Оно всегда активно рассматривалось.

Из пресс-конференции президента США Трумэна.

Намереваясь поспать, Колесников направился к себе, но по дороге его остановил запыхавшийся посыльный из штаба.

– Товарищ капитан, весь личный состав, свободный от службы, должен присутствовать на лекции по международному положению.

Павел молча развернулся и пошел в направлении штаба. Для него эта лекция не была неожиданностью – пару дней назад их предупреждали, что приедет лектор из Москвы, целый доктор наук.

Зал для собраний был полон, стояли даже в проходах между рядами. Но о командире позаботился Лопатников, который приготовил ему местечко.

Слушали внимательно, не шелохнувшись. Лектор галопом по Европам прошелся по общим мировым проблемам, а потом акцентировал внимание слушателей на корейских событиях. Люди жили предчувствием скорой войны, поэтому внимали каждому слову лектора.

После лекции офицеры собрались в комнате Колесникова пить чай с сушками и шоколадом, входящим в паек.

– Водочки бы не мешало, – мечтательно проговорил Лопатников. – Командир, лечебную дозу нальешь?

– Лечебную налью.

Колесников вынул из шкафа бутылку водки и три стакана. Лечебная доза составляла сто граммов, она позволяла пройти на следующий день предполетный медосмотр. Проверено. С похмелья до полетов не допускали.

Выпили, закусили шоколадом. Мишин заварил чай. Начали обсуждать инцидент на Сухой Речке.

– Ну артисты! – воскликнул Лопатников. – Пролетели над озером Ханка, которое вовсе не лужа какая-нибудь, чтоб не заметить, приняли советский аэродром за северокорейский и по ошибке штурмовали его. Об этом Трумэн Сталину наплел. Про ошибку. Его можно понять – он на самолетах не летал.

– Во-во! – поддержал его Колесников. – В ясную погоду заблудились, ненароком пересекли границу, не рассмотрели опознавательные знаки на самолетах и атаковали.

– И безнаказанно смылись, – добавил Мишин. – А пилоты сидели, как мыши под веником.

– Им приказа не было, – пояснил Колесников.

– А ты, товарищ капитан, тоже бы ждал приказа?

– Я бы не ждал. – Взгляд Колесникова ожесточился. – Поднял бы эскадрилью и вдарил бы из всех стволов. Хрен бы они у меня ушли.

– А начальство?

– А с начальством бы потом разбирались. В начале войны так же было. А потом с начальством разбирались – головы летели, как горох из дырявого мешка.

– Товарищи офицеры, – подал голос Мишин, прожевывая очередную плитку шоколада. – А вам не кажется, что мы стоим на пороге войны? Обнаглели америкашки. Пора бы им дать по зубам и по другим частям тела.

– Это не порог, это «красная черта», которую они переступили, – ответил Колесников и подумал при этом: «Все это близко и знакомо. История развивается по спирали...»

После завтрака Колесников поставил боевую задачу:

– Идем в район Синьиджу. Приказано изучить окрестную обстановку, но к линии фронта не приближаться и работать на больших высотах, используя оптику. Иду я и лейтенант Мишин в качестве ведомого. Прикрываем Иноземцева. Остальные занимаются с китайцами. В последнее время американцы бомбят Синьиджуйский, язык сломает, аэродром, поэтому возможны сюрпризы. В случае столкновения с противником Иноземцеву в бой не ввязываться, а уходить на базу на максимальной высоте. Ты хорошо понял меня, Коля? – Колесников строго посмотрел на Иноземцева, зная его авантюрный характер. – Сразу делай «отлив» при возникновении опасности. И да... стрелка себе сам определишь. Возьмешь кого-нибудь из китайцев.

– Понял, – хмуро подтвердил старлей. – А в воздухе как будем переговариваться, по-корейски или по-китайски?

– На тарабарском. А лучше матом да позабористей, чтоб никто не разобрался. Но Лопатникову инструктировать китайский личный состав исключительно по-китайски.

Колесников ехидно ухмыльнулся. Старлей выучил, дай бог, пару десятков слов на китайском.

– Да с удовольствием, – хохотнул Лопатников. – Особенно в присутствии Мэйли Лань. Ей даже говорить ничего не надо, а просто ходить туда-сюда, туда-сюда своими длинными ногами.

Мэй Лань обучала офицеров китайскому языку и присутствовала на тренировках в качестве переводчицы. Девушка выделялась исключительной красотой, свойственной метисам. Мать у нее была китайкой, а отец офицером Красной армии. У них случилась пылкая любовь во время конфликта на КВЖД. Родилась дочь. После отхода русских отношения не прервались, а продолжились в виде душещипательных писем. Женщина сама выучила русский и заставила выучить дочь в расчете, что она когда-нибудь встретится со своим отцом.

Руководство части приказало офицерскому составу изучать китайский язык хотя бы в минимальном объеме. «Ходите в китайской форме, имеете китайские документы, крутите любовь с китайскими женщинами. Ну, с ними можно и без языка, а вот команды по радиации отдавать и вести переговоры в воздухе нужно исключительно по-китайски».

Дело в том, что во время тренировочных полетов китайских летчиков команды с земли транслировались на китайском через переводчика. Это замедляло процесс передачи команд, а в запале инструктора использовали труднопереводимую неформальную лексику, что пару раз едва не привело к авариям.

Колесников выглянул в окно:

– Туман рассеивается. Через полчаса сбор.

Покрутившись над аэродромом в районе Синьиджу и оценив ущерб, причиненный американской бомбардировкой, Колесников принял решение углубиться на территорию КНДР, поближе к линии фронта, но не сильно, чтобы проанализировать происходящее там. В полетном задании по этому поводу формулировка была какая-то обтекаемая: «по мере возможности». По мнению Колесникова, возможность представилась – никто не мешал.

Пошли дальше. Линия фронта приближалась, уже наблюдались взрывы крупнокалиберных снарядов.

«Еще с десятков километров и домой», – подумал Колесников, и тут в наушниках раздался голос Иноземцева.

И н о з е м ц е в: Командир, у нас целая американская делегация: два «Боинга» и четыре «шутера» сопровождения.

К о л е с н и к о в: Увидел. Летят бомбить аэродром. Следуем своим курсом.

М и ш и н: Я тоже вижу. Командир, задние отстали, набирают высоту, делают боевой разворот. Двое. Собираются атаковать.

К о л е с н и к о в: Коля, уходи на запад. При попытке атаки стреляй не раздумывая, стреляй непрерывно, стреляй и уходи. Как понял?

И н о з е м ц е в: Все понял.

К о л е с н и к о в: Мишин, отвлеки этих двоих, а я атакую «боинг». Они его не бросят и отвяжутся. Без сантиментов. Мочи их!

М и ш и н: Понял, командир.

Колесников, пройдя суровую школу Отечественной войны, решения принимал быстро и без раздумий, игнорируя воздушную дипломатию. Промедление смерти подобно, вернее, оно и есть сама смерть. Кто не с нами, тот против нас. Американцев же после рассказа Иноземцева он воспринимал исключительно как врагов. А врага нужно упреждать и бить насмерть. На войне Колесников отвык бояться, моментально ориентировался в обстановке, а дальше действовал на уровне рефлексов.

И закрутилась воздушная кадриль. Застучали пулеметы Иноземцева. Преследующий его «шутер» несколько растерялся, не ожидая такой «теплой» встречи. Он ушел в сторону, но тут в бой ввязался Мишин и, зайдя ему в хвост, дал прицельную очередь. Попал. Самолет противника сделал резкий разворот и, нелепо раскачиваясь, со снижением устремился на свою тер-

риторию, выйдя из боя. Мишин не стал его преследовать, а устремился ко второму «шутеру» и, сделав горку, тем самым уйдя из-под огня, сам атаковал, но безуспешно.

Самолет Иноземцева, набирая высоту, удалялся в западном направлении. Его никто не преследовал. Колесников все правильно рассчитал: кавалькада противника двигалась на север, менять курс не собиралась, задача истребителей состояла в прикрытии своих бомбардировщиков, и долго преследовать советский разведчик они вряд ли бы рискнули. «Зачем вообще они устроили эту никому не нужную войну? Привыкли воевать с неумелыми корейцами на их устаревших моделях, посчитали нас легкой добычей? Вероятно. Ну так получайте!»

Колесников спикировал и дал очередь по замыкающему кавалькаду «Боингу». Тот задымился, но внезапно сделал «горку» и отстрелял из нижней турели. Пули пробили стекло кабины, Колесникова не зацепило. Он скользнул взглядом по приборной панели: «Вариометр, высотомер работают, закрылки функционируют, топливо в норме...» «МиГ-15» ход не потерял, и капитан решил продолжить бой.

Строй противника нарушился: подбитый «Боинг» развернулся и, волоча за собой хвост дыма, ушел к земле, второй «Боинг» продолжил движение, но сопровождавшие его передние «шутеры» сделали резкий вираж, прикрыли бомбардировщик сзади, но атаковать, видимо, не собирались.

К о л е с н и к о в: Коля, как у тебя?

И н о з е м ц е в: Все спокойно, ухожу на базу. Никто не преследует.

К о л е с н и к о в: Хорошо. Мишин, как обстановка?

М и ш и н: С переменным успехом, вернее, без всяких успехов. Опытный волчара попался. Выходит из боя, уходит к своим. У тебя как?

К о л е с н и к о в: Слегка зацепило, но не смертельно. Коля ушел в «отлив». Пора и нам.

М и ш и н: Командир, у тебя сзади еще трое. Приближаются. Откуда только взялись?!

К о л е с н и к о в: Мать твою так!

Американскую тактику «неожиданного подкрепления» советские летчики усвоили не сразу и несколько раз попадались на эту удочку. Бой начинался равными силами, но позднее, откуда ни возьмись, появлялись дополнительные силы противника.

Колесников сделал «горку», чтобы уйти от вражеского огня, но опоздал – его прошило несколькими очередями, самолет стал плохо слушаться рулей. «Повреждены элероны и руль высоты, заклинило рулевое управление, – прикинул он. – Хреновые дела...»

– Мишин, меня подбили. До базы не дотяну. Прикрывай. Как оторвемся, я катапультируюсь.

– Есть, командир!

Колесников резко направил свой самолет вниз, а Мишин остался на «верхних этажах», не позволяя противнику атаковать командира. «F-80» по своим летным характеристикам существенно уступал «МиГ-15», это позволило оказать эффективное противодействие нападавшим. От преследования ушли с трудом, но ушли – противник, видимо, понеся потери, не рискнул продолжить атаки с непредсказуемым результатом.

Самолет шел к земле. Колесников попытался включить систему катапультирования, но бесполезно, что-то где-то заклинило. А земля тем временем быстро приближалась. Он вцепился в ручку управления, ему с трудом удалось кое-как обуздать покалеченную машину, он пошел в сторону своего аэродрома, рефлекторно удерживая машину в нужном положении. В голове роились какие-то дурацкие мысли: «Вот почему люди не летают, как птицы, а пользуются воздушными костылями, всякими самолетами и вертолетами? Человеческая цивилизация пошла по техническому пути развития, а не по биологическому. А ведь могло быть иначе. С собственными крыльями легче управляться. Чушь какая-то в голову лезет! А что еще оста-

ется? Движок на ладан дышит, рули вышли из подчинения... А тут, если бы свои руки-крылья, то и раненый бы приземлился. Только и остается, что фантазировать. А может, и так дотяну, на самолете, на этом костыле? Если повезет! Хэн Су говорил, что в китайских мифах рассказывается о летающих людях. А если это не мифы, а упущенные возможности? «МиГ» опять клюнул вниз. Надо вот так, рывком, резко! Вроде бы выровнялся. Преследования нет. Как-нибудь дотянем...»

Колесников все-таки долетел до своего аэродрома и благополучно совершил посадку. Самолет отбуксировали на аварийную стоянку, а капитана с Мишиным отправили в офицерскую гостиницу зализывать раны, как определил встретивший их Лопатников.

Самолет-разведчик Иноземцева стоял на своем законном месте, но самого старлея видно не было.

До следующего утра офицеров никто не беспокоил, а потом начался разбор полетов.

Командир полка, прошедший всю войну, внимательно выслушал Колесникова и резюмировал:

– Потерь в людях нет? Нет. В технике нет? Нет. Качественная тренировка. Думаю, что этот опыт нам вскоре понадобится. Подробно изложи, по шагам, до мелочей весь ход боя. Бумагу и ручку возьмешь у помощника начальника штаба. Да, зайди к Хамовникову. Только спокойно там, доложи все, как было, без лозунгов и фанатизма. Свободен.

Начальник особого отдела майор Хамовников встретил Колесникова суровым взглядом. Но предложил присесть, не оставил в стоячем положении. «Значит, не все так грустно, – подумал Павел. – Иначе бы стоял по стойке смирно.

Он изложил особисту ход недавних событий.

– Вы понимаете, товарищ капитан, что мир стоит на грани третьей мировой войны? Любую ошибку американцев можно расценить как провокацию, а в результате получить такую заваруху, что небо с овчинку покажется. От предыдущей еще не оклемались. О чем вы думали, когда ввязались в воздушный бой?

Особист замолчал в ожидании ответа, постукивая указательным пальцем по крышке стола.

Иной оценки от Хамовникова Колесников и не ожидал.

– А как они воспринимают наши ошибки? – спросил Павел, взглянув на майора глазами невинной девицы.

– Это их дело, а наше дело – не допускать таких ошибок, – буркнул майор.

– А в чем ошибся старший лейтенант Карпенко? Думаю, в том, что сразу же не открыл огонь по врагу из всех стволов. Может быть, и жив бы остался. Моей задачей являлось прикрытие самолета-разведчика. На него попытались напасть. Мы просто упредили врагов. Так меня учил товарищ Иван Никитич Кожедуб, мой бывший командир.

Колесников, еще не отошедший от вчерашнего, вовсе не собирался каяться в содеянном. Услышав имя Кожедуба, Хамовников явно сбавил обороты.

– Американцы не являются нашими врагами. Пока что. Но и не союзниками. Ладно, иди. Но все-таки аккуратней, аккуратней там...

Колесников развернулся через левое плечо и покинул кабинет. Ему показалось, что Хамовников высказывал свои претензии формально, выполняя ритуал недремлющего ока МГБ, а на самом деле в душе был согласен с Колесниковым. Статус обязывает. И не исключено, что особисты владели сведениями, пока недоступными для капитана. Павел хорошо изучил их повадки – жизнь заставила.

Ввиду отсутствия потерь произошедший инцидент спустили на тормозах обе стороны конфликта. В официальных сводках упоминания о произошедшем столкновении советских и американских летчиков не появилось. Разве что в «желтой» западной прессе.

Но обеими сторонами были сделаны соответствующие, далеко идущие выводы.

Часть вторая

Красная черта

Красная черта (также красная линия от англ. red line), которую нельзя «пересекать» – в политике обозначение предела терпения одной из сторон.

Из политического словаря

Поступив на философский факультет, Павел Колесников так увлекся глобальными проблемами Вселенной, что пытался обсуждать их с каждым встречным-поперечным и, даже попав в больницу, начал навязывать философские дискуссии соседям по палате. Его слушали от скуки, но особого интереса не наблюдалось. Устав выступать, Павел переключился на чтение философских книг и осмысление высказываний выдающихся мыслителей, как древних, так и современных.

Он не ограничивался изучением общепринятой философской доминанты, то есть марксизма, а штудировал и анализировал труды древних греков, Гегеля, Канта, не отвергал и субъективных идеалистов вроде Беркли, где «мир – это комплекс моих ощущений», хотя сам был материалистом.

Глубоко погружаясь в тему, он находил много нестыковок и даже противоречий в трудах классиков, в том числе Маркса и Ленина, поэтому на лекциях начал задавать неудобные вопросы, которые вызывали у преподавателей сначала недоумение, постепенно переходящее в раздражение и злобу.

На втором курсе он сцепился с профессором Ключковым сначала по философским вопросам, а потом на почве личной неприязни. В одном из рефератов Павел употребил вместо «великой революции» термин «Октябрьский переворот», за что был подвергнут жесткой критике сначала со стороны профессора, потом дело дошло до парткома, куда Ключков быстренько донес о политически неблагонадежном студенте. Ежовские времена канули в Лету, поэтому «шибко грамотного» тихо отчислили без каких-либо последствий. Профессора Ключкова позднее осудили за троцкизм и отправили в колымские лагеря без права переписки, но поезд уже ушел. Линия судьбы сделала резкий поворот, и Колесникову пришлось заново планировать свою жизнь.

Кроме философии Павел увлекался борьбой самбо, занимался в секции Ощепкова, где наставник обучал молодежь не только спортивной подсистеме, но и боевой. Когда вышел приказ Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта «О развитии борьбы вольного стиля», начали проводить официальные соревнования, и Павел доборолся до спортивного звания кандидата в мастера спорта.

А еще Колесников занимался в обществе Осоавиахим, в планерном отряде, где тоже достиг определенных успехов. Покинув университет и получив рекомендацию от Осоавиахима, он подал документы в военное летное училище, успешно сдал экзамены и окончил его акkurat перед началом войны.

Служить его направили в авиаполк, расквартированный возле латвийского городка недалеко от моря, и посадили на истребитель «И-16», в просторечии «ишак». Техника была ему знакома еще по училищу, и младший лейтенант Колесников тут же начал летать в составе эскадрильи капитана Домникова.

В тот теплый июньский день его отпустили в увольнение после напряженных тренировочных полетов. Покрутившись по городу и проголодавшись, он зашел в столовую. На раздаче стояла разбитная девица в цветастой косынке и стерильно-белом, накрахмаленном переднике.

«Чистоплотная девушка... и симпатичная», – подумал Колесников и заказал борщ.

– Бригида! – раздался крик из глубины кухни. – Котлеты готовы, можно подавать.

– Не желает ли пан офицер котлет? Хорошие котлеты.

Девушка в упор посмотрела на Павла. В ее глазах сквозила ирония.

«Бригида – польское имя, – подумал Колесников. – А она ничего себе. Познакомиться бы поближе... Но времени на подробные ухаживания не было. Эх, была не была!»

– Котлет желаю и еще салат. А еще страстно желаю пригласить вас в кино или на танцы.

– Какой пылкий мужчина! – картинно всплеснула руками девушка. Молоденький лейтенант ей явно понравился.

– Меня зовут Бригида, для своих Брича. А тебя?

Она сразу перешла на «ты», что вселило в Колесникова определенные надежды на продолжение знакомства.

– Меня Павел. А я для тебя свой? Как тебя называть?

– Зови Брича. Авансом. А почему – в кино или на танцы? И в кино, и на танцы. Но я еще подумаю. До шести вечера. В шесть я заканчиваю работу.

– Намек понял. До встречи.

Колесников взял поднос с едой и уселся за столик рядом с усатым мужиком унылой внешности.

– Бригида – девка ласковая, но у нее ухажер есть, Гунтис. Поаккуратней с ним – может наказать, – пробухтел мужик с набитым ртом.

Павел бросил взгляд на засаленную кепку мужика, лежащую рядом с порцией жареной рыбы, и задумчиво изрек:

– У каждой симпатичной девушки есть ухажер и, как правило, не один.

Кандидат в мастера спорта по самбо и уроженец Марьиной Рощи, хулиганского предместья столицы, Паша Колесников не боялся уличных стычек, а воспринимал их как эпизоды повседневной жизни. За это его и прозвали «Буря».

Утолив голод, он купил в киоске газету «Правда» и, усевшись под старыми вязами на скамейку в городском сквере, углубился в чтение. В бравурных декларациях политических обозревателей подспудно сквозила настороженность, ожидание беды. Это чувство было для Колесникова знакомо: в полку, несмотря на все старания замполита, постоянно ходили разговоры о неминуемой войне. Павел не мог понять, зачем в их часть свезли кучу исправной техники, которую разместили крыло к крылу, в три ряда на стоянке возле ангаров.

«Суток не хватит, чтобы их растащить, проверить, заправить и пустить в дело».

Офицерам пояснили, что это явление временное, идет реконструкция ряда аэродромов, и самолеты вскоре отправят обратно.

«А если враг внезапно нападет? Их же моментально размолотят!»

Это прекрасно понимал и его командир, капитан Домников, поэтому «ишаки» его эскадрильи располагались недалеко от взлетной полосы, снаряженные, заправленные и готовые к немедленному вылету.

Подойдя к столовой, Колесников обнаружил возле входа Бригиду, готовую к походам по публичным местам: на ней была расклешенная плиссированная юбка до колен, стянутая широким поясом на узкой талии, бледно-зеленая блузка с широкими рукавами и модные туфли. Каштановые волосы девушки сплелись в две озорные косички.

«И когда только успела?!» – подумал Павел.

– Пошли, – сказала Бригида и по-свойски взяла его под руку.

– Куда идем? – поинтересовался Колесников.

– В кино, как ты обещал. В клубе возле моего дома крутят «Цирк» с Орловой. Посмеемся, пока дают.

– Что значит «пока дают»? – Колесников остановился и пристально посмотрел на свою спутницу.

– Так война же скоро начнется, – непринужденно заметила девушка.

Павел чуть не поперхнулся, но смолчал.

После кино они отправились на танцы. Танцплощадка располагалась в том же сквере и представляла собой заасфальтированный пятачок, огороженный забором из сварной арматуры. Вход был бесплатным. На небольшом возвышении играл маленький оркестрик.

Они станцевали вальс. От танго Колесников отказался.

– Ну не умею я, не обучили.

– Вот я и обучу, – сказала Бригида и потянула его за рукав в водоворот танцующих пар.

Еще при входе он заметил группу молодых парней, откровенно пьялившись на Бригиду. Один из них позднее попытался пригласить ее на танец, но девушка отказала:

– Ты видишь, что я не одна, Гунтис.

Колесников вспомнил мужика в столовой, который говорил о каком-то Гунтисе, и подумал о возможных последствиях. Местное население относилось к советским военным по-разному: одни бурно приветствовали их, но находились и противники установления советской власти, державшие камень за пазухой и фигу в кармане. Но здесь предполагался конфликт не по национальному, а по половому признаку.

На выходе с танцплощадки их встретили трое крепких парней.

– Брича, отойди в сторонку, нам с этим офицериком поговорить надо, – сказал один из них, тот самый отвергнутый Гунтис.

– И правда, Брича, посиди пока там на лавочке, – немедленно согласился Павел.

– Ты меня не купил, Гунтис, – фыркнула Бригида, но тем не менее отошла в сторону.

– Отцепись от нее, иначе будет плохо, – проговорил Гунтис по-русски с прибалтийским акцентом, сурово насупив брови. Парень храбрился, но явно волновался.

– Да не суетись ты так. – Колесников усмехнулся. – Мы с ней только до утра, а дальше как получится. Потерпи маленько.

Павел явно нарывался на конфликт. Ситуация его веселила и будоражила одновременно. Гунтис замахнулся, но Павел непринужденно перехватил его запястье, и вскоре неудачливый ухажер оказался лежащим лицом в землю с завернутой за спину рукой. Колесников обозначил замах и сказал будничным голосом, обращаясь к остальным:

– Дернетесь, я ему шею сломаю. Забирайте своего друга и отваливайте.

Он отпустил соперника и, не оборачиваясь, направился к Бригиде.

Местная шпана побаивалась связываться с военными. Однажды за избитого солдата пришлось разбираться целое десантное отделение. Разобрались так, что местная больница пополнилась большой группой пациентов.

Военное руководство формально не поощряло подобных эксцессов, но смотрело на происходящее сквозь пальцы:

– Только не калечьте сильно и тем более без трупов.

Парочка покинула сквер и двинулась по центральной улице. Бригида повела своего спутника в район, где они сегодня смотрели фильм и где неподалеку стоял ее дом.

– Чаю хочу, – внезапно заявил Колесников.

– Ну так пойдем ко мне. У меня хороший чай есть, грузинский.

Они не стали тратить время на чаепитие, а сразу же устремились в спальню.

Неизвестно, как бы сложились дальнейшие отношения Павла с Бригидой – девушка ему определенно нравилась, – но жизнь неожиданно внесла свои коррективы.

Колесников проснулся от толчка в плечо. Его будила Бригида. Он продрал глаза и непонимающе посмотрел на девушку.

– На аэродроме сирена воеет. Непрерывно, – испуганно сказала она.

Павел прислушался – за окном действительно звучал заунывный вой сирены.

«Учебная тревога? Какая еще учебная тревога? Это боевая!»

Он взглянул на часы: без пяти минут четыре.

Павел резко вскочил с кровати и начал одеваться.

– Это война? – спросила Бригида, в упор глядя на Колесникова.

– Война не война, но что-то нехорошее. Надо бежать.

Он метнулся в прихожую и начал натягивать сапоги.

– Может быть, чаю попьешь? – спросила девушка.

– Какой еще чай!

Он чмокнул Бригиду в щечку и выскочил на улицу.

Дом Бригиды стоял на окраине городка, как раз в направлении аэродрома. Туда вела дорога из бетонных плит, залитых гудроном. До КПП было километра три. Павел трусцой побегал по дороге.

Погода стояла ясная, туман почти рассеялся. Внезапно он услышал шум догоняющей его машины и обернулся. К нему приближалась полуторка с ободраным кузовом. Это была машина хозяйственного взвода. Рядом с шофером сидел старший сержант, а в кузове, вцепившись в пищевые контейнеры, мотались двое бойцов. Колесников махнул рукой. Полуторка тормознула.

– Что там стряслось? – крикнул высунувшийся из кабины сержант.

– Не знаю. – Колесников запрыгнул в кузов и, мельком взглянув на притихших бойцов, постучал кулаком по крыше кабины: – Поехали!

На подъезде к КПП они услышали грохот и увидели взметнувшийся к небу характерный грибок взрыва. Бомбили самолетную стоянку. В том, что бомбили, Колесников не сомневался: в утреннем небе висели силуэты вражеских самолетов. Еще взрыв, еще и еще. Грузовик резко остановился. Колесников, как старший по званию, принял на себя командование:

– Все быстро из машины и – вон туда. – Он указал в сторону придорожных деревьев. Бойцы углубились в посадку и залегли в первой же попавшейся промоине. И вовремя. Рвануло совсем близко. Грузовик перевернуло и бросило в кювет.

– Что происходит, товарищ младший лейтенант? – спросил один из бойцов.

– На нас напали.

– И что нам теперь делать?

– Переждем налет, а потом по местам. Надолго их не хватит, но думаю, что это не в последний раз, – пояснил Павел.

– А если десант высадят? – не унимался боец. – Чем воевать?

Пистолет был только у сержанта.

Колесников отмахнулся.

Когда бомбежка закончилась, бойцы кинулись на территорию части. На КПП никого не было. Над ангарами витали облака пыли. Откуда-то сзади поднимался столб дыма. «Цистерны с горючим зацепили», – определил Павел.

Штабное здание выглядело целым. Колесников приказал бойцам двигаться к своим, а сам рванул в сторону штаба. Часовой пост не бросил – честь ему и хвала! Вместе с дежурным по части старшим лейтенантом он сидел на полу возле полкового знамени.

– Где все? – спросил Павел.

– В подвале, – пояснил офицер. – А мы на связи. – Он указал на стоящий рядом телефон с проводом, тянущимся из будки дежурного. – Хорошо, что провод длинный.

– Немцы?

Колесников заранее знал ответ.

– Немцы, – подтвердил дежурный. – Три «штуки» прилетели и два «мессера» в качестве прикрытия. Эти из пулеметов поливали – вон стекла выбили. – Он указал на разбитые окна. – Это война.

В подвале, оборудованном под бомбоубежище, собралось почти все руководство полка. Колесников намеревался доложить по форме, но его жестом остановил командир эскадрильи Домников, мол, не светись, посиди в сторонке. Павел примостился на снарядном ящике в углу помещения. Через пару минут к нему подошел командир эскадрильи.

– Собери наших во второй казарме, в ленинской комнате. Я там буду минут через пятнадцать. Если получится. – Он ткнул пальцем в небо.

– Думаете, опять прилетят? – спросил Колесников.

– На девяносто девять процентов. Но время пока терпит. Давай, собирай наших. Вперед! Покидая подвал, Павел услышал обрывок разговора.

– Но ведь был приказ в час ночи, чтобы мы не поддавались на провокации.

– Какие тут провокации! Нас убивают!

– Надо все-таки связаться с командованием.

– Да пробовали – нет связи.

Когда Домников вошел в ленинскую комнату, вся эскадрилья была в сборе.

– Там командиры сопли жуют. Дожуются, все разбомбят, – начал с места в карьер капитан. – На запасной стоянке мало что осталось. У нас две единицы повреждено. Остальные целы. Вот ими и будем воевать. Вылетаем двумя звеньями. Тебе, – он взглянул на командира третьего звена, – организовать ремонт техники – там не сильно побито. Пошли кого-нибудь на ПВН и к радистам, разберись, что там, и вот, возьми на всякий случай. – Он вынул полевой бинокль. – Очередь на взлет следующая... Проверить баки с топливом, двигатели держать в прогретом состоянии. История нас рассудит. По кабинам! Вперед, орлы!

Домников прошел Халхин-Гол и знал, что на войне время – это не деньги, это – жизнь.

Через час по радио сообщили о приближающейся немецкой авиагруппе. Вскоре то же самое подтвердили и с пункта визуального наблюдения.

– Шесть или семь самолетов. Подлетное время – около пяти минут. – И тут же уточнили: – Три «лаптежника», «Юнкерса», и четыре «мессера» сопровождения.

Тут же раздалась команда Домникова:

– Взлет в порядке очередности. Звено Денисова работает по «лаптежникам». Я займусь прикрытием.

Колесников, взглянув на приборную панель, начал набирать высоту. Противник шел с юго-запада. Солнце уже выползло из-за горизонта, но стояло невысоко. Павел подумал: хорошо бы атаковать с востока, чтобы ослепить врага. Его мысль тут же подтвердил Денисов. В наушниках прозвучала команда:

– Уходим влево, атакуем со стороны солнца. Колесников отвлекает. Остальные атакуют сверху со снижением на предельной скорости. Вперед, ребята!

Павел ушел влево и вниз, остальные – крутым разворотом вверх. Звено Домникова закрутило боевую карусель с «Ме-109».

Сделав боевой разворот, Колесников надавил на гашетку пулемета. Не прицельно, а чтобы сбить противника с курса – до аэродрома оставалось около километра. Пилоты бомбардировщиков не сразу поняли, что по ним ведут огонь – слепило солнце. Колесников представил себе надменную физиономию немецкого летчика.

«Тевтонцы, мать их так! Рыцарские турниры. По всем правилам. Их правило – дубиной из-за угла. Ну так получай!»

Колесников зашел сзади и снизу, поймал в прицел ближайший бомбардировщик, целясь под крыло, и выпустил пулеметную очередь. А потом еще и еще, по кабине, по подвешенным бомбам... Вражеский самолет резко ушел вниз, сделал неуклюжий разворот и стал отходить на запад.

«Этот уже не боец», – довольно подумал Павел.

Денисов с товарищами тоже время не теряли. Колесников увидел, как оставшиеся два бомбардировщика последовательно ушли в пике, волоча за собой шлейфы дыма. У Домникова все было хуже – в небе виднелись два парашютных купола советских летчиков. Третий «ишачок», кренясь на крыло, уходил в сторону аэродрома. Однако и два подбитых «мессера» тоже устремились к земле. Домников остался один против двоих.

«Где же Денисов? А вот и он!»

Звено Денисова, расправившись с вражескими бомбардировщиками, бросилось на помощь командиру.

Колесников, взглянув на удаляющийся подбитый «Юнкерс» и решил, что с ним надо покончить, здесь и без него разберутся.

– Иду на добивание «лаптежника».

– Валяй! – откликнулся Денисов.

Павел устремился за «Юнкерсом» и не сразу заметил, как из карусели, устроенной истребителями, выскочил «мессер» и устремился за ним вслед. Догнав вражеский самолет, Колесников дал очередь. «Юнкерс» резко ушел в пике. Немецкий летчик покинул самолет. Раскрылся парашют.

«Добить его – не добить...»

Но додумать Павел не успел – его самолет внезапно дернулся и начал терять высоту.

«Меня атаковали, похоже, заклинило элероны».

Колесников сделал крутой вираж и увидел преследующий его «мессер». Немецкий летчик, видимо, был невысокого класса, так как пилотировал с большими перегрузками и с разнообразным каскадом фигур высшего пилотажа. Павел попытался его атаковать, но не успел: его «ишак» перестал слушаться руля, потянуло дымком.

«Не выкручусь. Надо прыгать».

Младший лейтенант Колесников перевалился через борт и полетел в пустоту.

Он очнулся под стоны раненых, вдыхая специфические больничные запахи медицинских препаратов и человеческих выделений. Он лежал на бугристом матрасе в приемном покое городской больницы в компании таких же бедолаг, которым не хватило места в палатах. Раненые лежали кто на раскладушке, кто прямо на полу. Колесников лежал на полу. Некоторые плотно закутались в суконные больничные одеяла, другие, наоборот, откинули их. Это были самые настоящие первые раненые начавшейся войны – всюду мелькали окровавленные повязки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.